

РОЛЬ КОНФУЦИАНСТВА И БУДДИЗМА В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ: ГЛОБАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ ВОСТОКА

Беловол Диана Евгеньевна

*студент, Владивостокский государственный университет,
Россия, г. Владивосток*

Котляр Надежда Васильевна

*научный руководитель, канд. истор. наук, доцент
Владивостокский государственный университет,
Россия, г. Владивосток*

Синтез культур в гуманитарных науках понимается как сложный и многоуровневый процесс взаимопроникновения, переосмысления и адаптации элементов различных культурных традиций, в результате которого формируются новые гибридные смыслы, образы и практики, не сводимые напрямую ни к одной из исходных культур. В этом процессе конфуцианство и буддизм выступают не как замкнутые религиозно-философские системы, а как универсальные источники этических, антропологических и онтологических идей, которые переосмысляются в секулярном и художественном пространстве современной культуры, приобретая новые формы и значения.

Одним из первых исследователей, обративший внимание на распространение восточных философских традиций за пределами Азии, стал Арджун Аппадураи. Он выделяет пять основных измерений таких потоков, или сфер: этносферы (потоки людей), техносферы (потоки технологий), финансосферы (потоки капитала), медиасферы (потоки образов и информации) и идеосферы (потоки идеологий и ценностей). Именно в контексте идеосферы и медиасферы происходит глобальная циркуляция философских комплексов, таких как буддизм и конфуцианство [1].

Американского исследователь Чарльз Пребиш выделяет два ключевых вектора его развития: «буддизм наследия», практикуемый азиатскими диаспорами и сохраняющий этнические и ритуальные особенности, и «буддизм обращенных», который он в более поздних работах, совместно с Мартином Бэйтоном, предпочитает называть «экспериментальным буддизмом». Именно

этот второй вектор, согласно Пребишу, и составляет суть глобального буддизма как нового культурного феномена. Автор описывает его как активный, адаптивный и часто секулярный проект, в котором западные последователи не просто пассивно принимают азиатские традиции, но сознательно экспериментируют с доктринаами и практиками. Ключевой чертой этого экспериментального буддизма, по Пребишу, является смещение фокуса с чисто религиозных или монашеских целей (таких как достижение нирваны) на цели психотерапевтические и социально-этические: личностный рост, осознанность, снижение стресса, экологическая и социальная справедливость [2].

Конфуцианство, в отличие от буддизма, долгое время оставалось в тени религиоведческих исследований, однако работы Ту Вэймина заложили основу для анализа «современного конфуцианства» как живой этической системы, способной интегрироваться в глобальный культурный дискурс. Китайско-американский философ кардинально переосмыслил конфуцианскую традицию, заложив основу для её анализа в качестве живой, универсальной и диалогичной этической системы, релевантной для глобального мира. В противовес критикам, видевшим в конфуцианстве лишь архаичный свод ритуальных норм или идеологию авторитарных режимов, Ту Вэймин предложил рассматривать его как «гуманистический проект» непрерывного самопреобразования личности и общества [3].

Кинематограф является одним из наиболее репрезентативных и показательных пространств для анализа культурного синтеза, поскольку он объединяет визуальные образы, нарратив, философские идеи и массовое восприятие, превращая сложные мировоззренческие концепции в доступный и эмоционально насыщенный язык. Именно поэтому, как отмечает Ю. И. Шатурная в статье «Влияние культуры Древнего Китая на современный кинематограф», кино становится медиатором между восточной философией и западным зрителем, транслируя такие ключевые идеи конфуцианства и буддизма, как гармония человека и мира, нравственная ответственность, приоритет долга над личным желанием, взаимосвязанность всего сущего и

цикличность бытия. Визуальная природа кино особенно органична для передачи восточного типа мышления, ориентированного, по словам Шатурной, на образность, интуицию и целостное восприятие реальности, что позволяет режиссёрам интегрировать философские смыслы через символы, пространство, ритм и поведение персонажей [4]. В то же время, как подчёркивают О. К. Михельсон и Н. С. Поляков в работе «Буддизм в западном кинематографе. Формирование образа и интерпретации», западное кино часто не воспроизводит буддизм или конфуцианство в их аутентичной форме, а создает обобщённый философский образ Востока, адаптированный под запросы массовой культуры и современные экзистенциальные проблемы. [5].

Современный западный кинематограф, активно исследующий темы технологической сингулярности и кризиса человеческой идентичности, все чаще обращается к философским системам Востока. Научно-фантастический фильм Дени Вильнёва «Бегущий по лезвию 2049» (2017), являясь сиквелом классической работы Ридли Скотта, представляет собой уникальный объект для такого исследования. Его сюжет, сосредоточенный на поиске идентичности биоинженерным существом в антиутопическом мире, органично ложится на ключевые конфуцианские категории, такие как сыновняя почтительность «сяо», ритуал и правильные отношения «ли», человечность «жэнь» [6]. Анализ этого фильма позволяет выявить не просто поверхностное заимствование восточной эстетики, а глубокую интеграцию конфуцианской этики в структуру западного киноповествования, демонстрируя, как архетипичные для киберпанка вопросы о природе человека находят разрешение в логике долга, памяти и восстановления социально-родственной гармонии.

Фильм «Облачный атлас» режиссеров Ланы и Лилли Вачовски и Тома Тыквера представляет собой один из наиболее масштабных и философски насыщенных примеров влияния буддийского мировоззрения на западный кинематограф, поскольку его структура, сюжетная организация, образы персонажей и ключевые идеи напрямую соотносятся с фундаментальными концепциями буддизма, такими как сансара, карма, перерождение,

иллюзорность «я», взаимозависимое возникновение и возможность духовного освобождения, и уже во введении важно подчеркнуть, что фильм сознательно отказывается от линейного повествования в пользу многослойной, циклической модели времени, которая соответствует буддийскому пониманию существования как бесконечной цепи рождений, смертей и трансформаций. Сюжет «Облачного атласа» разворачивается одновременно в шести временных плоскостях, от XIX века до далекого постапокалиптического будущего, и каждая из этих историй отражает разные формы страдания, угнетения, жажды власти и привязанности, которые в буддизме считаются основными источниками дуккхи, то есть фундаментального человеческого страдания. Персонажи, сыгранные одними и теми же актерами в разных эпохах, визуально подчеркивают идею перерождения и кармической преемственности, где действия, совершенные в одной жизни, находят отклик в другой [8].

Таким образом, синтез буддизма и конфуцианства в мировой массовой культуре происходит не на уровне прямого заимствования, а через сложный процесс переосмысливания, в ходе которого восточные идеи адаптируются к новым социальным, технологическим и культурным условиям, сохраняя при этом своё философское ядро [9].

Список литературы:

1. Бондаренко Г.В. Особенности подхода восточных учений к развитию человека и раскрытию его природы: философские и психологические аспекты / Г.В. Бондаренко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – №10-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-podkhoda-vostochnyh-ucheniy-k-razvitiyu-cheloveka-i-raskrytiyu-ego-prirody-filosofskie-i-psihologicheskie-aspekty> (дата обращения: 09.11.2025).
2. Фурс Владимир Арджун Аппадураи. «Современность» на просторе: культурные измерения глобализации / Владимир Фурс // Социологическое обозрение. – 2003. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ardzhun>

- appadurai-sovremennoст-na-prostore-kulturnye-izmereniya-globalizatsii (дата обращения: 09.11.2025).
3. Сабиров Р.Т. Буддисты-миряне: проблемы классификации и подходы к изучению / Р.Т. Сабиров // Вестник КИГИ РАН. – 2018. – №4 (38). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/buddisty-miryane-problemy-klassifikatsii-i-podhody-k-izucheniyu> (дата обращения: 09.11.2025).
 4. Мигунов Н.И. Конфуцианский путь Ту Вэймина / Н.И. Мигунов // Век глобализации. – 2014. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfutsianskiy-put-tu-veymina> (дата обращения: 11.11.2025).
 5. Шатурная Ю.И. Влияние культуры Древнего Китая на современный кинематограф / Ю.И. Шатурная // Вестник ВГИК. – 2009. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-kultury-drevnego-kitaya-na-sovremenyyu-kinematograf> (дата обращения: 10.01.2026).
 6. Михельсон О.К. Буддизм в западном кинематографе. Формирование образа и интерпретации/ О.К. Михельсон, Н.С. Поляков // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2013. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/buddizm-v-zapadnom-kinematografe-formirovanie-obraza-i-interpretatsii> (дата обращения: 02.01.2026).
 7. Филиппов А.Ф. В ожидании чуда: социология репликантов как политическая теология («Бегущий по лезвию 2049»)/ А.Ф. Филиппов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-ozhidanii-chuda-sotsiologiya-replikantov-kak-politicheskaya-teologiya-beguschiy-po-lezviyu-2049> (дата обращения: 21.11.2025).
 8. Облачный атлас [сайт]. – URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Cloud_Atlas_\(novel\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Cloud_Atlas_(novel)) (дата обращения: 18.12.2025).